

Мо Цзиньхань, казалось, вовсе не осознавал, что снова издевается над человеком. Он поднял руку и слегка ущипнул Жуань Вэньюя за щеку, потирая большим пальцем родинку, а затем спросил:

— Так что, всё ещё не хочешь моего?

Жуань Вэньюй, словно переспелая креветка, попавшая в кипяток, отчаянно пытался выбраться, но не мог. Ему оставалось лишь отвернуться, чтобы уйти от прикосновения, и, собравшись с духом, он выдавил из себя тихое «угу», решив покориться.

Но Мо Цзиньхань не собирался его отпускать. Он тут же ухватил его за мочку уха и слегка потянул на себя:

— Что ты там бурчишь? Не хочешь?

— Хочу... — голос Жуань Вэньюя был едва слышен. Окончание слова невольно растянулось, и в нём не осталось ни капли упрямства, напротив, оно прозвучало как-то по-особенному нежно и тягуче.

Мо Цзиньхань продолжил допрос:

— И впредь будешь говорить, что не хочешь?

Жуань Вэньюй хотел спрятать лицо в тарелку, а ещё больше — вскочить и убежать, но ухо всё ещё оставалось в руках у этого человека, да и сердце, вопреки воле, тянулось следом. Ему пришлось покорно ответить:

— Не буду.

Пусть этот балаган поскорее закончится, он не хочет свариться здесь заживо.

— Умница, — Мо Цзиньхань наконец разжал пальцы и спокойно добавил: — Ешь.

К концу ужина от былой гордости не осталось и следа — она рассыпалась в прах, и Жуань Вэньюй не мог её собрать. Ему оставалось лишь сидеть рядом и послушно есть, в то время как в голове бесконечно крутилась одна и та же мысль: он принадлежит Мо Цзиньханю, он принадлежит Мо Цзиньханю, он принадлежит Мо Цзиньханю.

Нет, нужно взять себя в руки. Он всё ещё злится. Нельзя поддаваться лишь потому, что тот проявил крупицу внимания, нельзя так легко прощать этого холодного и бессердечного человека.

После ужина Мо Цзиньхань отправился в кабинет работать, и Жуань Вэньюй наконец выдохнул, надеясь, что его лицо наконец остынет.

На самом деле румянец уже сошёл, но присутствие Мо Цзиньханя рядом, его властная аура и ощущение того, что он всегда где-то близко, заставляли его чувствовать жар, а мочка уха, казалось, до сих пор хранила след от его пальцев.

Ещё до ужина Дядя У помог ему разобрать вещи, и Жуань Вэньюй снова поднялся наверх, чтобы раздать подарки, привезённые из-за границы тем, кто когда-то о нём заботился.

За три года разлуки многое изменилось, пусть и незаметно. Жуань Вэньюй видел, как они радуются подаркам, но чувствовал и то, что на этом всё и заканчивается.

Те, кто не занимает важного места в жизни, заменяются легче всего. Жуань Вэньюй как раз оказался в таком неловком положении.

Единственным человеком в этой вилле, от которого он чувствовал тепло, был Дядя У. Но когда Жуань Вэньюй исполнилось восемнадцать, у Дяди У родился внук, и с тех пор вместо привычного «Сяо Юй» он всё чаще твердил лишь о «моём внучке».

Жуань Вэньюй радовался за него и считал малыша очень милым, но в глубине души не мог избавиться от тоски и горечи — казалось, он снова что-то потерял.

Ночь сгущалась, дождь неустанно барабанил по окнам. Если взглянуть сквозь стекло, ночной мрак казался огромной сетью без краёв, плотно окутывающей весь город. Холод пытался просочиться сквозь щели, но его подавляло тепло, идущее из дома.

Мо Цзиньхань снял очки, потёр переносицу и взглянул на часы — полночь. Он закончил дела на два часа раньше обычного.

Аккуратно сложив документы, он машинально потянулся к ящику стола за снотворным, но его пальцы замерли в воздухе. В конце концов он достал упаковку и выбросил её в мусорное ведро.

Закрыв ящик, он направился в душевую при кабинете. Снаружи гром гремел всё яростнее. Мо Цзиньхань переоделся в пижаму, высушил волосы и только тогда вышел из кабинета.

Раздался щелчок — Мо Цзиньхань без труда толкнул дверь спальни.

Внутри царил тьма, плотные шторы надёжно отсекали беспокойный мир снаружи, но приглушённый шум дождя всё равно пробивался в комнату.

Мо Цзиньхань включил ночник. На стене, прямо напротив изножья кровати, в мягком свете проступила картина, излучавшая тихий уют.

Он не стал смотреть на кровать, а напрямик направился к шкафу и распахнул дверцы.

Одежда была скомкана в беспорядочную кучу, внутрь было запихнуто одеяло, образуя некое подобие гнёздышка. В центре, свернувшись калачиком, спал человек, и видно было только его лицо.

Мягкие тёмные волосы прильнули к коже, брови были слегка нахмурены, а на бледных щеках проступил румянец. Он походил на испуганного котёнка, нашедшего тёмный уголок, где можно хоть немного успокоиться, — хрупкий и жалкий.

Мо Цзиньхань наклонился и бережно поднял его вместе с одеялом.

От перемены положения Жуань Вэньюй слегка шевельнулся, уткнувшись головой ему в грудь. Большая часть лица была скрыта одеялом, и он даже не проснулся.

Мо Цзиньхань уложил его на кровать, потрогал ладонью лоб, проверяя температуру, а затем понемногу развернул кокон из одеяла, лёг рядом и, обхватив длинной рукой, прижал к себе.

Дождливая ночь не обещала покоя, но в этот момент, когда они были так близко, мир словно замер, и слышно было лишь мерное, спокойное дыхание друг друга.

Уникальный свежий аромат ворвался в ноздри, и Жуань Вэньюй открыл глаза. Он прислушался к тому, что происходит за спиной, а затем медленно начал выбираться из его объятий.

Хм, вытащил его из шкафа, ни слова не сказав, и спать уложил, тоже молча. Этот холодный, бессердечный человек совершенно не знает, что такое личные границы.

Когда-то он отправил его прочь, не сказав ни слова объяснений, оставив после себя лишь неприятный осадок. А теперь, спустя три года, он вернулся, и этот человек ведёт себя так, будто всё в порядке, и спокойно спит с ним в обнимку.

Даже не спросил, согласен ли он.

Жуань Вэньюй отодвинулся к самому краю кровати и, воспользовавшись случаем, забрал одеяло себе, по доброте душевной оставив лишь маленький уголок, чтобы прикрыть живот Мо Цзиньханя.

Когда тому станет холодно посреди ночи, он сам придвинется ближе. И тогда уже не Жуань Вэньюй будет нуждаться в нём, а он — в Жуань Вэньюе.

Жуань Вэньюй мысленно строил планы, в то же время не в силах избавиться от противоречий, терзавших его душу.

Сейчас он мог сам о себе позаботиться, мог обеспечить себя. Многие в этом доме уже забыли о

нём, да и не принадлежал он больше этому месту. Он мог бы не возвращаться, мог бы больше никогда не видеть Мо Цзиньхана.

Достаточно было просто остановиться в отеле, дожидаться выходных, сходить на свадьбу сына приёмной матери и снова уехать за границу, осесть там, заработать денег, чтобы вернуть всё до последнего цента за те тринадцать лет, и навсегда оборвать все связи с Мо Цзиньханем.

Для человека, которому причинили боль, казалось бы, всё это было легко сделать, но Жуань Вэньюй не мог выполнить ни одного пункта.

Когда он получил приглашение за границей, первым его порывом было: наконец-то появился веский повод вернуться.

Тогда, три года назад, отправить его прочь было решением Мо Цзиньхана. Он сам оформил все документы, сам собрал ему чемоданы и отвёз в аэропорт.

В доме об этом знали все, и все приняли как факт, что Жуань Вэньюй — выброшенный человек, который больше не принадлежит этому месту, а значит, и поддерживать отношения нет нужды. Поэтому за три года лишь Дядя У изредка присылал ему сообщения.

Если в такой ситуации приглашение всё же дошло до него, это означало, что его возвращение — тоже воля Мо Цзиньхана. Иначе как объяснить, что в день его внезапного приезда Мо Цзиньхань оказался прямо у порога дома и столкнулся с ним?

Но этот человек никогда ничего не говорил. Ни слова. Жуань Вэньюй, естественно, никак не мог узнать, правдивы ли его догадки.

Ему всегда казалось, что Мо Цзиньханю нет до него дела, но в то же время он на собственном опыте ощущал, как хорошо тот с ним обращался...

Настолько хорошо, что, даже будучи однажды выброшенным, даже три года живя в разлуке, даже обижаясь и не желая прощать, Жуань Вэньюй всё равно хотел вернуться, чтобы взглянуть на него и найти ответ. Разорвать всё до конца он был не в силах.

Поэтому Мо Цзиньхань — настоящий мерзавец, из-за которого у него в голове полнейший хаос.

— Кого ты там тихонько ругаешь? — раздался вопрос у самого уха.

Жуань Вэньюй, погружённый в свои мысли, машинально ответил:

— Тебя, мерзавца.

<http://bllate.org/book/20910/2114581>